

Сай Юн

Шоссе призраков

УДК 82-312.4
ББК 84-4
Ю49

Юн С.

Ю49 Шоссе призраков / Сай Юн. – М.: Литнет, 2026. – 92 с.

ISBN 978-5-521-99267-6

Три года она терпела побои. Три года собирала доказательства. В ночь побега Лив была уверена: главный кошмар позади. Но люди мужа нашли её на пустынном шоссе, и бежать было некуда – только в чёрную воду океана. В тот момент, когда смерть казалась неизбежной, из темноты вышел старый Вольво. Водитель с глазами цвета балтийской воды открыл дверь и сказал: «Садись, Лив. Не заставляй мёртвого ждать». Он мёртв уже пятнадцать лет. Но это единственный человек, который может её спасти.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99267-6

© Литнет, 2026

© Юн С., 2026

Ночь

Дождь начался ещё на подъезде к побережью.

Сначала это были просто тяжёлые капли, разбивающиеся о лобовое стекло с ленивой равномерностью – раз, два, три, словно кто-то неспешно отсчитывал секунды до чего-то неизбежного. Лив выключила радио, потому что голос диктора, рассказывающий о пробках в центре и солнечной погоде на выходные, звучал как насмешка. Какое солнце? Какие выходные? Для неё время остановилось три часа назад, когда она заперла дверь спальни в последний раз, сунула в карман флешку и вышла через чёрный ход, даже не оглянувшись на дом, который никогда не был её домом.

Теперь дождь набирал силу.

К пяти утра он превратился в сплошную стену воды. Дворники работали на пределе, с визгом елозя по стеклу, но толку было мало – мир за окном расплывался акварельными пятнами: чёрное – это скалы, тёмно-серое – это асфальт, а почти чёрное, бездонное – это океан справа, который она чувствовала кожей даже сквозь шум мотора. Тяжёлая, холодная вода. Ледяная. Как кровь в её жилах, когда она вчера вечером смотрела, как Максимилиан наливает себе виски и даже не смотрит на неё. Как всегда.

Не думай о нём. Думай о дороге.

Лив сжала руль сильнее. Пальцы побелели.

Дорога была пустой. Абсолютно, до звона в ушах пустой. Ни встречных фар, ни попутных машин – только бесконечная серая лента, уходящая в никуда, и дождь, дождь, дождь. Она ехала уже почти четыре часа, и за это время её обогнали только две фуры – обе на въезде в прибрежную зону, обе с рёвом пронеслись мимо, обдав арендованную малолитражку грязной водой из-под колёс.

Лив даже не выругалась. У неё не осталось сил на злость. Только страх, холодный и липкий, как этот дождь, сидел где-то под рёбрами и пульсировал в такт сердцу.

Она не знала, правильно ли поступает. Точнее – знала, что правильно, но сомневалась, хватит ли сил у неё доехать. Не физически – машина был полный бак, она позаботилась об этом ещё вчера, пока Максимилиан был на встрече. А морально. Каждый километр отдавал в висках глухой болью: *а что, если он уже знает? а что, если его люди ждут впереди? а что, если она влетит головой в этот чёртов океан, и никто даже не заметит?*

Телефон молчал. Она выключила его сразу, как выехала из города, и сунула в бардачок. Пусть думают, что она спит. Пусть думают, что она сдалась. К утру она будет уже далеко, а там – полиция, адвокаты, газеты. Там свобода. Там жизнь.

Жизнь.

Её имя – Лив – означает именно это. Жизнь. Мать выбирала это имя специально, говорила: «Ты будешь моим светом, моим дыханием, моей жизнью». Мать умерла, когда Лив было двенадцать. Рак. Быстро, больно, несправедливо. Отец запил через месяц после похорон и через год женился на женщине, которая терпеть не могла чужих детей. Лив выжила. Она всегда выживала.

Выживет и сейчас.

– *Дорога уходит вправо, – сказал навигатор механическим голосом. – Через триста метров съезд на старое шоссе.*

Лив нахмурилась.

Она не заказывала старое шоссе. Навигатор должен был вести её по основной трассе до самого порта, где её ждал паром на материк в шесть утра. Она специально выбирала самый прямой, самый безопасный маршрут. Никаких старых дорог, никаких сомнительных съездов.

– Ошибка, – сказала она вслух. Голос прозвучал хрипло, чужим. – Отменить. Вернуться на основной маршрут.

Навигатор молчал.

– Чёрт.

Лив постучала пальцем по экрану. Никакой реакции. Экран горел ровным синим светом, но карта не двигалась – она замерла на том

самом съезде, словно приклеенная. И стрелка, показывающая её местоположение, медленно, но неуклонно приближалась к развилке.

Лив подняла глаза на дорогу.

Фары выхватили из темноты знак. Старый, ржавый, почти нечитаемый. Когда-то он был, наверное, белым с чёрной каймой, а теперь представлял собой просто кусок металла, на котором угадывалось лишь два слова:

Короткий путь.

Съезд.

И стрелка, указывающая направо.

– *Поверните направо, – ожил навигатор. Голос стал другим – глубже, тише, почти человеческим. – Это сэкономит вам двадцать минут.*

У Лив похолодело под ложечкой.

– Нет, – сказала она твёрдо. – Вези меня по основной трассе.

Навигатор молчал. Экран мигнул и погас.

– Чёрт! – выдохнула Лив и хлопнула ладонью по приборной панели. – Отлично. Просто отлично.

Она уже проехала развилку. Перед ней снова была прямая, как струна, трасса, уходящая в темноту. Дождь немного стих, но ветер усилился – машину начало покачивать на порывах, и Лив пришлось вцепиться в руль обеими руками.

Восемнадцать минут до паром. Она успеет. Даже без навигатора она успеет – главное, не останавливаться, не думать, не вспоминать.

Не вспоминать, как Максимилиан вчера вечером спросил: «Ты что-то прячешь от меня, дорогая?» И как у него дёрнулся глаз – всегда так, перед тем как ударить. Не вспоминать, как она улыбнулась и сказала: «Что ты, милый, просто устала». Не вспоминать, как он сжал её запястье – сильно, до синяков, которые проступят только завтра – и прошептал на ухо: «Я всё вижу, Лив. Я всегда всё вижу».

Она сбежала не оттого, что испугалась. Она сбежала оттого, что поняла: ещё один день – и она либо убьёт его, либо сойдёт с ума.

– *Не думай. Дорога.*

Машина чихнула.

Лив напряглась.

Сначала она подумала, что ей показалось – старая арендованная малолитражка, конечно, не идеал, но механики уверяли, что с ней всё в порядке. Но через минуту мотор дёрнулся снова, потом ещё раз, а потом загорелась красная лампочка на приборной панели – та самая, которую водители видят в кошмарах.

Двигатель.

– Нет-нет-нет, – зашептала Лив. – Пожалуйста, только не сейчас. Пожалуйста.

Машина слушать не хотела. Она дёрнулась в третий раз, чихнула, выкашлянула облако пара из-под капота и заглохла окончательно.

Тишина.

Абсолютная, гулкая, мёртвая тишина. Даже дождь, кажется, перестал – он просто висел в воздухе мелкими брызгами, не решаясь упасть. Ветер тоже стих. Мир замер, как на старой фотографии.

Лив сидела неподвижно, сжимая руль, и смотрела прямо перед собой. Фары медленно угасали, и темнота наступала со всех сторон – густая, липкая, живая.

Это просто сон. Это просто плохой сон. Сейчас я проснусь, и Максимилиан будет храпеть рядом, и я снова буду ненавидеть себя за то, что не ушла раньше.

Но она не просыпалась.

Лив выдохнула, отстегнула ремень и вышла под дождь. Холод ударил в лицо, заставив её задохнуться – воздух здесь был другой, солёный, тяжёлый, с примесью чего-то гнилого, как будто океан выбросил на берег всё, что копил годами.

Она обошла машину, открыла капот. В темноте ничего не было видно – телефон остался в бардачке, а фонарик она, идиотка, не взяла. Она шарила руками по холодному металлу, пытаясь нащупать хоть что-то, что объяснило бы поломку, но всё казалось на месте – провода, патрубки, масляный шуп.

– Ну давай же, – прошептала она в отчаянии. – Пожалуйста.

В ответ – тишина.

И тогда она увидела свет.

Сначала Лив подумала, что это фары встречной машины – далёкие, едва заметные, пляшущие на мокром асфальте. Её сердце подпрыгнуло от надежды: помощь! Кто-то едет! Она сможет попросить о помощи, сможет...

Но свет не приближался. Он просто висел в темноте, как три ярких звезды, упавшие на землю. И они не двигались.

А потом она услышала звук.

Мотор. Низкий, тягучий, тяжёлый – так звучат только старые машины, собранные в те времена, когда о пластике ещё не слышали, а металл был настоящим. Звук нарастал, и вместе с ним рос холодок у неё между лопаток.

Машина приближалась. Но фар не было видно – только тот далёкий, застывший свет впереди.

Лив обернулась.

Сзади, метрах в ста, стоял джип.

Чёрный, огромный, с тонированными стёклами. Он не двигался – просто стоял посреди трассы, и фары его горели ровно, спокойно, как будто водитель ждал, когда она заметит.

Лив показалось, что сердце остановилось.

Она узнала эту машину. Она видела её сотни раз – в гараже их дома, на парковке офиса, в зеркалах заднего вида, когда пыталась уйти в магазин одна. Это был джип Хеннинга. Правой руки мужа. Человека, который однажды сказал ей: «Если вы когда-нибудь сделаете больно моему боссу, я сделаю больно вам. Очень. И никто не найдёт ваше тело».

– Нет, – выдохнула Лив. – Нет-нет-нет.

Джип тронулся с места. Медленно, неспешно, как хищник, уверенный, что жертва никуда не денется.

Лив рванула обратно к своей машине, вскочила на сиденье, дёрнула ключ зажигания.

Тишина.

Ещё раз.

Тишина.

– ПОЕХАЛИ! – закричала она, колотя по рулю. – ПОЕХАЛИ, ЧЁРТОВА ТАЧКА!

Джип приближался. Теперь она видела его отчётливо – три ряда фар, тёмный кузов, низкий рык мотора. Он не торопился. Он смаковал момент.

Лив выскочила из машины и побежала.

Она не знала, куда бежать – вокруг были только скалы и океан. Слева – отвесная стена, справа – обрыв и чёрная вода внизу. Но ноги несли её вперёд, прочь от этого джипа, прочь от смерти, которая надвигалась медленно и неотвратно.

Дождь хлестал по лицу. Ветки кустарника царапали ноги. Она споткнулась о камень, упала, разодрала ладонь в кровь, вскочила и побежала дальше.

Джип остановился у её машины. Двери открылись. Из темноты вышли фигуры – трое, нет, четверо. Она не видела лиц, но знала их. Хеннинг. Его люди. Мяслики.

Они не спешили. Они знали, что ей некуда бежать.

Лив замерла на краю обрыва. Внизу, метрах в тридцати, кипела вода – волны бились о скалы с такой силой, что брызги долетали до лица. Прыгнуть? Утонуть – быстрая смерть. А может, не быстрая. Может, она будет биться головой о камни, пока лёгкие наполнятся ледяной водой, и никто никогда не узнает, что она пыталась...

– Миссис ван Хойтен.

Голос Хеннинга – спокойный, почти вежливый. Как всегда.

– Не делайте глупостей. Шеф просил передать, что он расстроен. Очень расстроен. Он хочет поговорить.

Лив обернулась.

Они стояли в десяти метрах – четверо мужчин в чёрных куртках, с пистолетами в кобурах, с холодными, равнодушными лицами. Хеннинг улыбался. У него были мелкие, острые зубы, как у крысы.

– Поговорить, – повторила Лив. Голос дрожал, но она заставила себя говорить громко. – Он хочет поговорить? После трёх лет? После того, как он ломал мне рёбра и называл это «воспитанием»?

– Шеф очень сожалеет, что вы так всё воспринимаете, – Хеннинг шагнул ближе. – Он уверен, что дома вы сможете всё обсудить в спокойной обстановке.

– Я не вернусь.

– Вернётесь.

Он шагнул ещё раз. Ещё. Лив отступила к самому краю – камень посыпался из-под ног, ухнул в темноту, и звука падения не было долго-долго.

– Давай без глупостей, – Хеннинг перестал улыбаться. – Флешка с тобой? Отдай – и поедem по-хорошему. Будешь дёргаться – поедem по-плохому. Разница только в том, сколько синяков у тебя будет завтра утром.

Лив сжала кулаки. Флешка была в кармане – маленькая, пластиковая, незаметная. Вся её жизнь за последние два года. Все документы, все счета, все имена, все сделки. Если она отдаст её – она труп. Если не отдаст – тоже труп, но хотя бы с чувством выполненного долга.

Она посмотрела на океан. Потом на Хеннинга.

– Пошёл ты, – сказала она тихо. – И шефу своему передай: я сняла копии. Если меня не будет завтра в полиции, копии уйдут в газеты. Всем газетам. Во все страны.

Хеннинг остановился.

На секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. А потом он рассмеялся.

– Милая девочка. Ты правда думаешь, что это что-то меняет? Ты думаешь, мы не найдём твои копии? Ты думаешь, твой маленький бунт хоть что-то значит? – Он покачал головой. – Ты просто кусок мяса, который забыл своё место. Сейчас мы это исправим.

Он махнул рукой своим людям.

И в этот момент Лив услышала звук.

Низкий, тягучий, тяжёлый мотор – совсем не такой, как у джипа. Старше. Глубже. Он шёл откуда-то сзади, с той стороны трассы, где не было ничего, кроме темноты и дождя.

Хеннинг тоже услышал. Он обернулся.

Из темноты, без единого звука (потому что звук мотора был где-то в другом месте, а эта машина двигалась бесшумно, как тень), выплыл старый тёмно-синий автомобиль.

Он остановился ровно между Лив и людьми Хеннинга. Задняя дверь открылась.

В салоне было темно, но Лив разглядела силуэт водителя – мужчина, бледный, с прямыми светлыми волосами, смотрел прямо перед собой, не оборачиваясь.

– Садись, – сказал он.

Голос был низкий, спокойный, без эмоций. И отчего-то Лив показалось, что этот голос она слышала уже тысячу раз – в кошмарах, в мыслях о смерти, в те ночи, когда Максимилиан оставлял её одну истекать кровью, а она молилась, чтобы кто-нибудь пришёл и спас её.

Никто не приходил. До сегодняшней ночи.

– Садись, Лив. Не заставляй меня ждать.

Хеннинг шагнул вперёд.

– Эй, приятель, это не твоё дело. Отвали, пока цел.

Водитель не обернулся. Он просто сидел, глядя прямо перед собой, и ждал.

Лив сделала шаг к машине. Потом ещё один.

– Лив, нет! – рывкнул Хеннинг. – Если ты сядешь в эту тачку, я пристрелю вас обоих!

– Попробуй, – сказал водитель. Всё так же спокойно.

И тогда Лив прыгнула в салон.

Дверь захлопнулась сама собой. Машина рванула с места – так, что её вжало в сиденье. Люди Хеннинга закричали, замахали руками, но старый Вольво уже летел по трассе, оставляя их далеко позади.